

**Бессараб
Александр Никитович**

**Бой первый - у Кубинки,
бой последний - у Рейхстага**

Я родился 9 апреля 1918 года в многодетной крестьянской семье в селе Сигнаевке Шполянского района Киевской области. Рано лишился родителей.

По окончании семилетки учился в фабрично-заводском училище, окончил рабфак при Харьковском институте торговли, затем учился 1,5 курса на геодезическом факультете Харьковского инженерно-строительного института имени С.М. Кирова.

По комсомольскому набору, я был зачислен курсантом Одесского артиллерийского училища имени М.В. Фрунзе. Через полтора года учебы (осенью 1937 года) был отчислен из училища по состоянию здоровья.

Два года работал учителем математики в школе родного села (5-7 классы) и по совместительству – немецкого языка (9-10 классы).

В начале 1940 года экстерном сдал экзамены за первые два курса Института иностранных языков (факультет немецкого языка) и перешел на дневное обучение.

В конце сентября 1941 года в составе группы студентов нас эвакуировали в город Марксштадт Саратовской области. А в первых числах октября 1941 года из города Пугачев Саратовской области я ушел добровольцем на фронт и был

зачислен в штаб 60-й отдельной стрелковой бригады Западного фронта. В составе этой бригады начал свой боевой путь, участвуя в оборонительных боях под Наро-Фоминском, Кубинкой и Звенигородом, а затем в наступательных боях бригады в составе войск Западного фронта в Подмосковье и Смоленской области. В этих боях я командовал взводом пешей разведки и стрелковой ротой.

Бой первый

Декабрь 1941 года. Атака у деревни Поречье.

Ознакомившись с моими биографическими данными, командир 3-го отдельного батальона бригады Федосеев А.Т. приказал: «Писарем батальона его, а на фронте – переводчиком».

Я попал в подчинение начальника штаба батальона младшего лейтенанта Гринина.

60-я отдельная стрелковая бригада, совершив марш-бросок из-под Звенигорода, вечером 8-го декабря заняла исходное положение для наступления. Мы находились в лесу на северном берегу Москвы-реки западнее города Кубинки.

Пока комбат вместе с ротными, а потом в группе с комбригом и комиссаром бригады, были на рекогносцировках местности и изучали места дислокации противника в районе деревни Васильевское за Москвой-рекой, мы с Грининым подготовили проекты боевых распоряжений подразделениям, рабочую карту комбата и комиссара Е.И. Ронина.

Одним из первых я узнал поставленную командованием задачу в предстоящем наступлении батальона и бригады на позиции гитлеровцев 10 и 11 декабря 1941 года. 3-му батальону предстояло при поддержке батареи 45-мм пушек и роты 82-мм минометов наступать на поселок Красный Октябрь, деревню Поречье, овладеть ими, не допустить отхода противника на Ладыгино, передовым отрядом закрепиться в Морево.

Ровно в 10 часов 11 декабря поступил сигнал: «Атаковать!»

Бойцы дружно скатились с крутого берега на лед и - вперед! К сожалению, немцы не были застигнуты врасплох. Противник открыл шквальный пулеметный огонь. В самой

гуще атакующих рвались мины. Атака захлебнулась. Нашим подразделениям было приказано вернуться на исходное положение.

Как выяснилось, атака была разведкой боем. Командиры учли допущенные ошибки, приняли меры по улучшению организации наступления. Бригада получила дополнительную поддержку от приданной артиллерии. В том числе на участок предстоящего наступления прибыли четыре установки «катюш». Саша и Николай видели их накануне, хотели подойти и рассмотреть, но охрана не разрешила подойти близко.

На следующий день, 12 декабря, картина боя выглядела уже совсем иначе. Артподготовка началась еще затемно. Небо полосовали снаряды, пущенные из установок реактивных минометов, полыхая огненными стрелами. Залп за залпом, от которых ни спрятаться, ни убежать. В Васильевском полыхали избы, горела немецкая техника, фашисты разбегались куда-куда.

Тут же захотелось выбраться из окопа: очередь пехоты настала. Все мы скатились на скользкий лед. Уцелевшие гитлеровцы ответили огнем из автоматов и пулеметов.

Первый и второй отдельные стрелковые батальоны наступали на флангах, третий - двинулся к лесу, настигая убежавших вражеских солдат. Мы с Николаем Трошиным и Сашей Симоновым, приписанные к комендантскому взводу батальона, наступали со всеми.

Пока бежали по льду, пули не достигали нашей группы. Стоило только взбежать на берег, как они роем «запели» над головами. Кто-то рядом охнул, кто-то молча уткнулся в снежную порошу.

Когда группа комбата подбежала к пылающим на окраине деревни избам, передовые подразделения батальона вели уже бой на её выходе. Нам пришлось обходить объятую огнем технику: рвались бензобаки в мотоциклах.

У крайней избы из-за угла в бойцов командирской группы целился немец. Саша Симонов молниеносно направил на немца винтовку, тот бросил автомат и поднял руки. Низкорослый, худосочный, в обвисшей на плечах шинельке мышинного цвета. Это был первый немец, которого я увидел на войне.

Вдруг от опушки по боевым порядкам, во фланг стрелковым ротам, застрочил пулемет - это уцелевшие гитлеровцы опомнились и заняли выгодную позицию. Цепи бойцов залегли, а станковый пулемет бил не переставая, прижимая левофланговую роту Александра Большакова к земле.

Саша Симонов обратился к комбату:

- Товарищ капитан, разрешите, мы «снимем» этих гадов!

Как он собирался «снимать» пулемет, я не сразу понял, но, следуя его примеру, выхватил из брезентовой сумки гранату, и, низко пригибаясь, побежал за ним. Николай Трошин – следом.

Три взрыва брошенных нами гранат раздалась один за другим, пулемет замолчал.

К концу дня овладели поселком Красный Октябрь, достигли Поречья и Морева. Меня – бригадного переводчика по совместительству, отозвали в штаб допросить пленных, разобраться в трофейных документах.

В разведке

К исходу третьего дня наступления сопротивление немецко-фашистских частей значительно усилилось, стало более организованным. Где-то противнику удалось остановить наше продвижение вперед, нанести в ходе контратак чувствительные удары по боевым порядкам атакующих частей. На участке 60-й бригады фашисты, несмотря на значительные потери в технике и живой силе, оправались от испуга и, получив подкрепление, упорно сопротивлялись. Обстановка резко ухудшалась.

Не ожидавшие этого, командиры батальонов майор Богданов и капитан Федосеев, откровенно говоря, растерялись и забыли об основных требованиях боя: непрерывной разведке противника, огневом обеспечении флангов и стыков между наступающими подразделениями, не установили связь с соседями и допустили образование больших неохранных разрывов между ними.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, немцы ударили по флангам – третий батальон был отрезан от остальных частей бригады. Начальник штаба бригады майор

Ф.Ф. Бочков послал группу связистов и разведчиков восстановить связь с 3-м батальоном. Группа не вернулась, вторая группа тоже пропала.

Третью группу приказано было возглавить мне, как знающему немецкий язык. На карте показали, куда я должен был их вывести, где занять оборону, чтоб не допустить прорыва фашистов на Васильевское.

В ночь возглавляемая мной группа разведчиков была отправлена для выполнения приказа.

Неожиданно что-то резко свистнуло, пролетев над верхушками деревьев. Раздался сухой треск, яркая вспышка ослепила глаза, мне что-то сильно ударило в правое плечо, боль резанула виски, зазвенело в ушах, перед глазами, меняя очертания, расплывались пни, кусты и еловые ветки. Душил кисловатый дым с едким запахом серы...

Очнулся от нестерпимого холода. У самого лица колыхались зеленые иголки – срезанная миной еловая макушка, чуть позже выяснилось, спасла мне жизнь. Подняться сразу не получилось – правая рука онемела. Наконец все-таки выбрался из-под дерева, огляделся – где ребята? Разведчики лежали в том порядке, в котором шли: два присыпанных снегом бугорка впереди меня, два позади. Бросился к одному, к другому... Осколками мины все были убиты наповал.

Перепугался жутко: один в лесу. Хотел бежать назад, но мысль о том, что задание не выполнено, остановила. «Не паникуй, - стал твердить себе, - дело не сделано, вперед надо идти!»

Так, уговаривая сам себя, успокоился. Попытался сориентироваться на местности. Подобрался к опушке, вконец замерз. Пополз, опасаясь встретить немцев.

Вдруг откуда-то выскочил красноармеец и побежал прямо на меня. Узнав этого парня, я поднялся и пошел ему навстречу. В тот миг роднее человека не было на всем белом свете! Удача, нашел все-таки своих!

А он, тот красноармеец, в крик: «Немцы!» И деру! Рискаю быть убитым, я, на сколько хватало сил, побежал за ним. Не в силах крикнуть – от холода горло перехватило, зуб на зуб не попадает. Я увидел еще несколько красноармейцев с

винтовками наперевес бегущих ко мне. Все в замешательстве остановились.

И вдруг услышал спасительный возглас: «Это же Бессараб, наш переводчик!» Я, оказывается, встретил бойцов одного из разыскиваемых взводов батальона (взвод младшего лейтенанта Турижанова). Я узнал, что командир ушел в штаб батальона. Вокруг костра сидели бойцы и завтракали. Каждого из них, как бывший батальонный писарь во время формирования бригады, я знал наперечет.

Меня усадили, укрыли полушубком. Я с жадностью выпил кружку горячего чая. Попросив помощника комвзвода разбудить меня, как только появится младший лейтенант, я мгновенно уснул.

Примкнуть штыки!

Проснулся минут через пятнадцать-двадцать. Бойцы сустились, были встревожены: неподалеку, но где – непонятно, шел бой. Грохотали пушки, строчили пулеметы, гремели винтовочные выстрелы.

Помощник командира взвода, назвав меня «товарищем командиром», доложил, что, вероятнее всего, бой ведет их батальон, с которым они были вчера на подступах к совхозу «Красный Октябрь». Здесь всего пятьдесят пять бойцов, а командир взвода до сих пор не вернулся.

- В таком случае, - говорю, - вы поступаете в мое распоряжение.

Приказал без команды не стрелять, выслать вперед и на фланги боевое охранение, о котором помкомвзвода не позаботился раньше.

Развернув карту, попытался определить свое местоположение. Совхоз должен быть справа, оттуда и канонада. Значит, наши слева. Двинулись в этом направлении. Звуки боя слышались все четче и четче. Ко мне подбежал разведчик и доложил, что в ста метрах отсюда – немцы!

- Какие немцы? Вы не напутали?

- Нет, товарищ командир, все точно – фашисты. А мы у них в тылу. Там большая поляна. На опушке стоит подвода, лошади распряжены, два немца возятся у станковых пулеметов. А дальше – четыре орудия на позиции ведут огонь

по деревне, а еще дальше залегли их солдаты и тоже ведут огонь.

Взвод, которым мне пришлось в то утро командовать, наполовину состоял из уже обстрелянных воинов-фронтовиков и курсантов одного из среднеазиатских военных училищ, составлявших костяк всей нашей бригады. Люди подготовленные, многие в совершенстве знали не только отечественное, но и немецкое стрелковое вооружение. Поэтому без колебаний принял решение: захватить пулеметы у подводы и атаковать гитлеровцев с тыла.

Мы с помкомвзвода развернули отделения в цепь, без шума подошли к опушке сосняка. Бойцы залегли. Все получили приказ огонь открывать только по команде, которая будет дана, как только уничтожим гитлеровцев у подводы и захватим их пулеметы. Мы с тремя курсантами, знавшими, по их словам, материальную часть немецких станковых пулеметов МГ-34, присоединились к боевому охранению и залегли в непосредственной близости от подводы.

Вокруг немцев, находившихся рядом с пулеметами, стояло много металлических коробок с пулеметными лентами и еще три МГ-34. Нам надо было спешить.

Солдат у пулеметов «сняли» незаметно – на наши выстрелы никто не обратил внимания. Захваченные пулеметы МГ-34 расставили на флангах взвода, и через минуту курсанты по моей команде открыли огонь.

В первую очередь были уничтожены огневые расчеты артиллерийской батареи. С такого расстояния не промахнешься: до них и сотни метров было не насчитать!

Затем ударили в спину вражеской пехоте. Солдаты первой линии в панике выскакивали из наспех оборудованных в снегу ячеек. Тут-то и настигал их огонь наших пулеметов.

Принимая нас за своих, не разобравшихся в обстановке идиотов, они в гневе потрясали оружием, посылая в нашу сторону проклятья, и замертво падали, сраженные очередями. Я приказал помкомвзвода открыть по бегущим гитлеровцам огонь из винтовок и ручных пулеметов. Залпы трехлинейек окончательно ошеломили немцев: они в панике заметались по полю... Настал момент поднять взвод в рукопашную:

- Примкнуть штыки! За Родину, за Сталина, вперед! Ура-а-а!

Раскатистое наше дружное «Ура!» подняло в атаку бойцов отрезанного батальона.

Гитлеровцы, зажатые с трех сторон, метались по полю, убегали. Лишь немногим из них это удалось.

На меня бежал с автоматом огромный рыжий детина. Глаза навывкат, страшные. А у меня – лишь пистолет «ТТ». И правая рука как плеть повисла. Вот он уже совсем рядом, меня кто-то из наших сильно толкает в плечо. Падаю, но глаз от рыжего не отрываю. Блеск штыка у его бока успел заметить. Рыжий падает буквально у моих ног. Это красноармеец отвел от меня смерть, побежав дальше. Я за ним.

Через 15-20 минут все было кончено. Радости бойцов батальона не было границ. Красноармейцы и командиры обнимались, целовались. У многих в руках – трофейные автоматы. Помкомвзвода принес мне новенький немецкий автомат с несколькими снаряженными магазинами, лежащими в кожаной сумке, снятой, по его словам, с какого-то не то офицера, не то унтера.

За длинной канавой, только что служившей бойцам батальона и укрытием, и огневым рубежом, увидел батальонного фельдшера. Надя перевязывала кого-то из раненых. Она молча показала на него глазами. Это был начальник штаба батальона младший лейтенант Гринин. Через несколько минут он умер.

Подошел капитан Федосеев. Приближался нетвердой походкой, шатался из стороны в сторону, будто с похмелья. Но комбат не был пьян.

Пока гитлеровцы не опомнились и не перехватили образовавшийся проход в сторону Васильевского, необходимо было как можно скорее приступить к выполнению приказа комбрига - развернуть подразделения батальона на указанном рубеже, увезти раненых и убитых, не забыть и о собранных трофеях, особенно о станковых пулеметах и целой машине боеприпасов к ним.

Федосеев продолжал безучастно стоять, никому не говоря ни слова. Даю команду строиться.

Обращаюсь к Федосееву:

- Товарищ капитан, батальон по вашему приказанию построен, пора уходить!

- Хорошо, ведите батальон. Я контужен, ничего не соображаю...

И вот указанный командованием рубеж! Роты начали окапываться, сооружая снежные накаты, перемежая сыпучий снег с еловыми ветками и утрамбовывая их для прочности.

И тут – неожиданность: фельдшер батальона Надя мне пожалала на прощание руку, и я взвыл от резкой боли. В пылу боя забыл о ранении, почти не чувствовал его.

Вместо капитана Федосеева командовать батальоном назначили младшего лейтенанта Винокурова.

В результате проведенного вышестоящим командованием расследования причин окружения стрелкового батальона, 12 декабря в командование бригады был назначен новый комбриг и комиссар.

В сентябре 1943 года, в дни моего командования 2-м стрелковым батальоном 597-го стрелкового полка 207-й стрелковой дивизии, бойцы батальона освободили деревню Холм Смоленской области.

Вот как об этом написано в выписке из архива:

«...На протяжении 20-21 сентября 1943 года противник упорно удерживал д. Холм, имея в наличии сильные укрепления, много пулеметов и артиллерии в глубине обороны. Помимо этого, врагу способствовали местность, река и болото.

Капитан Бессараб, получив задачу на овладение населенным пунктом Холм, повел свой батальон в обход справа и, в сочетании умелого маневра со смелым броском, при поддержке других подразделений, овладел населенным пунктом, развивая наступление».

В соответствии с приказом по 5-й армии Западного фронта от 18 октября 1943 года № 0462, от имени Президиума Верховного Совета СССР (вх. № 020470), за этот бой я был награжден орденом Красного Знамени.

Бой последний

29 апреля 1945 года. Королевская площадь в центре Берлина. В 3.30 передовые части 79-го стрелкового корпуса генерала С.Н. Переверткина после двух штурмов захватили лишь часть здания канцелярии Министерства внутренних дел.

Солдаты окрестили это массивное строение «домом Гиммлера».

С северной стороны несколькими подразделениями 171-й стрелковой дивизии полковника А.И. Негоды удалось приблизиться к стенам здания фашистского парламента.

С северо-запада путь наступающим батальонам 150-й стрелковой дивизии генерал-майора В.М. Шатилова преграждал широкий и до половины заполненный водой ров строящейся линии метрополитена. Он простреливался огнем пулеметов фашистов, и попытка преодолеть препятствие с ходу не увенчалась успехом.

Рейхстаг и Кроль-опера, объятые пламенем и дымом, защищались гитлеровцами яростно.

Вражеские зенитчики стреляли по наземным целям прямой наводкой и не позволяли нам ввести в бой танки и самоходные орудия. Лишенные возможности маневрировать, они становились легкой добычей фашистских зенитчиков и солдат, вооруженных фаустпатронами.

Чтобы сломить сопротивление врага, необходимо было усилить наши соединения артиллерией прямой наводки. 420-му дивизиону была поставлена задача: прямой наводкой подавить огневые точки, пулеметные гнезда в центральной и северо-западной части Рейхстага, воспрепятствовать действиям зенитных орудий врага, расположенных у колонн здания и на Королевской площади. Было объявлено время готовности – 10:00 30-го апреля.

В ночь на 30 апреля дивизион выдвинул свои батареи на Королевскую площадь. Я приказал нацелить на Рейхстаг батарею старшего лейтенанта Василия Носова, а на Кроль-оперу два орудия второй батареи лейтенанта Ивана Батышева и взвод ПТР младшего лейтенанта Антона Бородина.

Всем была поставлена боевая задача. Орудийные расчеты держали под огнем амбразуры в замурованных окнах первого этажа и полуподвала, а расчеты противотанковых ружей подавляли огневые средства в амбразурах верхних этажей. За каждым из них были закреплены по одному-два окна. Аналогичные команды получили и те подразделения дивизиона, которые были нацелены на Кроль-оперу.

Наблюдательный пункт я выбрал в одной из комнат южного крыла здания МВД, отсюда хорошо просматривался

Рейхстаг, Королевская площадь и Тиргартен. Позже здесь же выбрал свой НП и командир 598-го стрелкового полка подполковник А.А. Вознесенский, батальоны которого были нацелены на Кроль-оперу.

От «дома Гимmlера» до Рейхстага приблизительно пятьсот метров. С помощью стереотрубы командиры подразделений внимательно рассматривали фасад здания, обращая внимание на устройство амбразур всех этажей, расположенных у подоконников: их было по две бойницы в каждом окне. Стены и крыша здания выщерблены снарядами, башни на углах и в центре полуразрушены. От купола Рейхстага остались одни стальные ребра.

К высоко поднятому портику парадного подъезда ведет широкая лестница, заваленная битым кирпичом и камнями. Шесть закопченных колонн на высоких пьедесталах поддерживают массивный лепной фронтон. В глубине подъезда входная дверь в несколько створок. Они тоже были замурованы снизу доверху, с бойницами.

Час атаки приближался. У нас было все готово. Одиннадцать часов двадцать минут. Комбаты докладывают о готовности к бою. Одиннадцать двадцать пять.

- Зарядить!

Одиннадцать тридцать.

- Огонь!

Мощная артиллерийская подготовка началась. Солдаты Кандыбина из пушек и бойцы Носова из противотанковых ружей открыли точный огонь по Рейхстагу.

Наша 207-я дивизия полностью блокировала гитлеровцев в Кроль-опере и в примыкающих к ней зданиях, подавив огонь оборонявшихся, обеспечив успех взятия Рейхстага.

Наконец долгожданное событие: впереди взвились зеленые ракеты – это сигнал, запрещающий ведение всякого огня с закрытых позиций, а артиллерии прямой наводки – по окнам и амбразурам полуподвала Рейхстага.

Там уже находились наши пехотинцы, проникшие в здание с северо-западной стороны.

Но вот перед парадным подъездом рассыпался целый сноп красных ракет. Это вновь был сигнал прекращения огня орудиям прямой наводки. К широкой лестнице Рейхстага со всех сторон устремились штурмующие.

Орудийные расчеты Михаила Рудика и Сергея Барышева укрыли свои пушки в оконных проемах за прочной стеной цокольного этажа МВД и уничтожили в тот день несколько зениток и пулеметных гнезд врага на площади перед Рейхстагом и Кроль-оперой.

В ночь на 2 мая была взята Кроль-опера.

В соответствии с приказом Командующего артиллерией 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта от 18 мая 1945 года № 019/Н, от имени Президиума Верховного Совета СССР, я был награжден орденом Александра Невского.

Мой боевой путь прошел из Подмосковья через Смоленщину, Белоруссию, Прибалтику, Польшу, немецкую Померанию и завершился в Берлине.

Я автор книг-воспоминаний о войне: «В прицеле – танки», «Какими мы были», «В боях закаленная 207-я Краснознаменная», «Вместе с матушкой пехотой», «Комендант Берлина».

Награжден: орденом Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», знаком отличия «За заслуги», орденом «За заслуги перед Отечеством» в золоте (ГДР), орденом Грюнвальда 2-й степени (ПНР). Имею более 30 юбилейных государственных наград.

Почетный гражданин города Бернбург, района Панков в Берлине, почетный житель муниципального образования Гольяново в городе Москве.

После войны, в 1946 году, в составе 601-го минометного полка я участвовал в демонтаже военных объектов Берлина и в отправке в Советский Союз по репарациям заводского оборудования, приборов и агрегатов.

В 1952 году окончил Харьковскую радиотехническую академию имени маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

Половник в отставке.

Февраль 2015

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Прудников Федор Евгеньевич**, студент 2-го курса Аэрокосмического факультета и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*